

Corporate Governance and Employee Participation: Peculiarities in Ukraine and Russia,” (Kharkov: Kharkov National University, 2001), http://www.sses.com/public/events/euram/complete_tracks/corporate_governance/lazarenko_sobolev.pdf (accessed September 30, 2006). **84.** In both Russia and Ukraine this is said to have led to a system of ‘multi-level corruption’ and with business practices controlled by the old nomenclatura. See, for example, Anastasia Nesvetailova, “From ‘Transition’ to Dependent Development: The New Periphery in Global Financial Capitalism”, in *Reforging the Weakest Link*, ed. Neil Robinson (Aldershot: Ashgate, 2004), 128; and Wosnjak, “Project”, *op. cit.*, 77, note 23. **85.** Burakowskij, “Wirtschaftsreformen”, *op. cit.*, 217, note 76; President Yushchenko also stressed for that very reason the need for a new dialogue between business and government to reduce the regulatory burden for both national and international investors. See his speech at the 5th International Economic Forum ‘Ukraine–EU’, October 5–8, 2005, Lviv, Ukraine. **86.** Nesvetailova, “Periphery”, *op. cit.*, 135, note 83. **87.** Bojcun, “Integration,” *op. cit.*, 52, note 68. **88.** *Ibid.*, 59; Abdelal, Purpose, *op. cit.*, 117, note 121. **89.** Bojcun, 2004: “Integration,” *op. cit.*, 59, note 68; Holzhaecker, “Entscheidung,” *op. cit.*, 21, note 75. **90.** Most commentators had already agreed that even a new (old) Prime Minister Victor Yanukovich would still have to give priority to ‘European integration’ in the sense of closer cooperation on a practical level and the construction of Ukraine as a ‘Russia-EU bridge’. See Gesprächskreis, *Horizonte*, *op. cit.*, 52, note 10. **91.** Michael Dauderstädt, “Exporting Stability to a Wider Europe: From a Flawed Union to Failing States,” *Europäische Politik* 10 (Bonn: Friedrich Ebert Stiftung, 2004) 1–19.

С. Юрченко

ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1945 ГОДА: ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРЕГОВОРАХ СТАЛИНА, РУЗВЕЛЬТА И ЧЕРЧИЛЛЯ

Ялта, как место, где вырабатывались основы нового мирового порядка, складывавшегося в результате Второй мировой войны, стоит в одном ряду с такими городами как Мюнстер, что в Вестфалии, где в середине XVII века подводились итоги Тридцатилетней войны и закладывались основы Вестфальской системы международных отношений; как австрийская Вена, где были подведены итоги изменений в Европе и мире рубежа XVIII-XIX веков; как французский Версаль и американский Вашингтон, где подводились итоги Первой мировой войны и создавалась новая мировая система – Версальско-Вашингтонская. При этом конференция «большой тройки» в Ялте в 1945 г. обладала тем своеобразием, что это была не итоговая мирная конференция, а конференция войны и победы в войне, что, несомненно, наложило отпечаток на принимавшиеся здесь решения и конфигурацию Ялтинской или Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений,

основы которой хорошо известны.

На протяжении восьми дней февраля 1945 г. Сталин, Рузвельт и Черчилль решали в условиях своей эпохи задачу, сходную с той, которая стояла в предшествующие времена и стоит сегодня перед государственными лидерами – определение принципов и конфигурации новой международной системы, в условиях изменившегося соотношения мировых сил. Поэтому представляется полезным взглянуть на то, чем они руководствовались и на что ориентировались, создавая основы новой международной системы.

Этот взгляд важен еще и потому, что название «Ялта» вновь активно замелькало в информационных сообщениях в постсоветский период, демонстрируя процесс демонтажа существовавшей системы международных отношений, при порой односторонней акцентуации ялтинских решений. Известный американский ученый и государственный деятель Г.Киссинджер в 1994 году писал о том, что «Ялта стала символом позора с точки зрения формирования облика послевоенного мира» [1].

Тогда же президент Франции Ф.Миттеран заявил, что восточноевропейские страны должны быть безотлагательно интегрированы в структуры Запада, поскольку, если они и впредь будут находиться за «бортом НАТО и ЕС, то, по его мнению, это может привести к новому переделу континента, второй Ялте» [2]. В русле идей, высказанных французским президентом, звучала оценка ялтинских решений и на Лиссабонском саммите ОБСЕ в декабре 1996 г. при обсуждении проблем общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI века, акцентируя то обстоятельство, что участникам форума «представляется историческая возможность устранить последние пережитки ялтинского порядка и воссоздать европейскую семью вокруг ценностей, на которых основана наша цивилизация» [3].

В апреле 1997 г. британская «Файнэншл таймс», характеризуя американско-российский саммит, писала, что «встреча на высшем уровне Ельцина и Клинтона стала триумфом для главы американской администрации. Фактически она стала Ялтой наоборот. Вместо признания российской сферы влияния Клинтон добился сохранения права стран Центральной и Восточной Европы на присоединение к альянсам по своему собственному выбору» [4].

По оценке журнала «Ньюсуик», анализировавшего итоги поездки Дж.Буша-младшего в Европу в 2005 году, если визит президента США чем-то и запомнился, так это «зажигательной речью» в Риге, где он обвинил Рузвельта и Черчилля в том, что на саммите в Крыму в 1945 году они согласились «отдать Восточную Европу Советам» [5].

Президент Грузии М.Саакашвили 10 мая 2005 года поведал в «Вашингтон пост», что «в течение 60 лет Ялта оставалась символом предательства и коварства. В результате соглашения, к которому пришли в этом сонном городке Великобритания, Советский Союз и Соединенные Штаты, сотни миллионов людей стали рабами жестокой тирании» [6].

Безусловно, решения Ялтинской конференции 1945 года неодномерны. Но стремление к их достаточно произвольной интерпретации и акцентуации

отдельных последовавших событий имеют мало общего с действительным постижением уроков Ялты, поскольку каждый из этапов исторической эволюции системы международных отношений оставлял в сокровищнице человеческого опыта свои достижения.

Подтверждая действие вечного принципа, гласящего, что любая международная система формируется доминирующими в международной иерархии державами в целях реализации, в первую очередь, их интересов, сосредоточения организации и контроля над процессами взаимодействия всех участников системы, Сталин, Рузвельт и Черчилль представляли наиболее могущественные государства своего времени, продемонстрировавшие свое превосходство в основных параметрах силы в условиях мировой войны. Они были членами «привилегированного клуба» и понимали свое положение, его истоки и ответственность. Британский премьер-министр так и заметил в ходе одного из заседаний: «...Совещание трех держав представляет собой очень привилегированный клуб. Вступительный взнос в этот клуб равен 5 миллионам солдат или соответствующему эквиваленту» [7]. Сталин несколько снизил планку: «...Хотя бы 3 миллиона солдат» [8].

Для стабильности послевоенной международной системы ключевое значение имела степень удовлетворенности претензий членов «привилегированного клуба» в отношении результатов войны и победы. Эти мысли рельефно отразились еще в диалоге Черчилля и Сталина за завтраком «большой тройки» Тегеране 30 ноября 1943 г. Тогда британский премьер заявил: «...Управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые полностью удовлетворены и не имеют никаких претензий.

Сталин замечает, что управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые способны на это.

Черчилль говорит, что это совершенно правильно, и продолжает, что если какая-либо страна не удовлетворена чем-либо, то это всегда будет источником беспокойства. Поэтому нужно, чтобы судьбы мира были сосредоточены в руках сильных стран, которые полностью удовлетворены, и не имеют ни какого желания взять себе что-либо еще. Черчилль говорит, что три наших страны являются именно такими странами. После того как мы договоримся между собой, мы сможем считать, что мы полностью удовлетворены, а это самое главное» [9].

При этом стабильность создаваемой системы зависела от единства действий формировавших ее государств. Во время обсуждения в Ялте вопросов создания международной организации безопасности Сталин особо акцентировал необходимость сохранения единства действий «великих держав»: «Самое же важное условие для сохранения длительного мира - это единство трех держав. Если такое единство сохранится, германская опасность не страшна. Поэтому надо подумать о том, как лучше обеспечить единый фронт между тремя державами, к которым следует прибавить Францию и Китай. Вот почему вопрос о будущем уставе международной организации безопасности приобретает такую важность. Надо создать возможно больше преград для расхождения между тремя главными державами в будущем.

Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между ними. Это — главная задача» [10].

Таким образом, формулировались еще два принципа в формировании нового мирового порядка. Первый — единство действий «удовлетворенных» держав для консервирования достигнутых результатов мирного урегулирования и недопущения в этот «привилегированный клуб» новых членов, и второй — включение в этот «привилегированный клуб» держав, способных обеспечить региональный контроль в рамках существовавшей геополитической карты мира — преимущественно мира колониальных империй.

Еще одним поучительным выводом из опыта дискуссий «большой тройки» является стремление к вовлечению в процесс создания нового мирового порядка всех «великих» или потенциально, в обозримой исторической перспективе, «великих» держав, даже если они испытывали серьезные трудности. Последний принцип, ратуя за участие Франции в контрольном механизме над Германией на Ялтинской конференции, афористичный Черчилль выразил так: «Она сейчас может быть слаба, но нельзя судить о великой державе по ее временной слабости» [11].

Формировавшаяся в ходе войны международная система, подразумевала и принципы взаимодействия «великих держав» с малыми странами, отношения с которыми приводили к многочисленным проблемам. Комплекс этих вопросов нашел свое концентрированное выражение при обсуждении проблем создания международной организации безопасности.

Рассуждая о проблеме статуса России в международной организации и ее перспективах, Черчилль в послании Рузвельту откровенно и четко обозначил свою позицию: «В тех случаях, когда дело касается мощи и безопасности, было бы весьма неразумно выдвигать теоретические проблемы суверенного равенства, а потому Соединенному Королевству и Соединенным Штатам Америки следует использовать свое влияние в интересах скорее здравого смысла и «безопасности прежде всего», чем статуса малых стран» [12]. На Ялтинской конференции при обсуждении тех же вопросов британский министр иностранных дел Иден конкретизировал: «...Страны могут говорить, спорить, но решение не может быть принято без согласия трех главных держав» [13]. Такое же понимание проблемы подтвердил и президент Рузвельт.

Осуществление «сдерживания» поверженных в войне противников затрагивало фундаментальный вопрос о методах и формировании сфер влияния. Оценка действий Сталина, Рузвельта и Черчилля в системе координат «универсализм vs сферы влияния» дает достаточно определенный ответ: сторонник сфер влияния Сталин взаимодействовал с мастером баланса сил и создания таких сфер Черчиллем, который, впрочем, имел надежды на более совершенный способ организации мира, и Рузвельтом — «универсалистом с эпизодическими отклонениями в сторону политики сфер влияния» [14].

Американский президент свой универсалистский проект структурировал

в международную организацию безопасности и в беседах со Сталиным, начиная со встречи в Тегеране говорил, что хотел бы «создать такую организацию, которая действительно обеспечила бы длительный мир после войны».

Однако эти попытки заранее оговорить условия послевоенного мира встретили весьма скептическое отношение Сталина,» «После Сталинградской битвы, - справедливо отметил один из исследователей, - Сталин не сомневался уже, что, когда окончится война Советский Союз будет обладать подавляющим большинством спорных территорий. Все менее и менее полагаясь на переговоры, Сталин передоверил формирование облика послевоенного мира авангардам собственных армий» [15].

Предложение Рузвельта о создании мировой организации безопасности, сделанное ещё в Тегеране, заинтересовало Сталина лишь в одном отношении. «Для того чтобы предотвратить агрессию, - отметил он, - тех органов, которые намечается создать, будет недостаточно. Необходимо иметь возможность занять наиболее важные стратегические пункты с тем, чтобы Германия не могла их захватить. Такие пункты нужно занять не только в Европе, но и на Дальнем Востоке для того, чтобы Япония не смогла начать новой агрессии» [16]. Рузвельт согласился «на сто процентов», а Сталин отметил: «В таком случае все обеспечено» [17].

Этот сюжет в более ясном виде прозвучал на встрече В.М. Молотова, А. Идена и Г.Гопкинса 30 ноября 1943 г., когда советник американского президента отметил, что отдельные районы на Тихом океане контролировались бы не войсками Объединенных наций, а американскими войсками; и что он «хотел бы чтобы три наши державы получили укрепленные пункты, которые ими бы контролировались, и чтобы их воздушные силы заняли стратегические базы, необходимые для поддержания мира» [18].

Эти мысли вызвали безусловное одобрение В. М. Молотова, который отметил спустя десятилетия: «Не надо огрублять, но между социалистическими и капиталистическими царствами, если они хотят договориться, существует разделение: это ваша сфера влияния, а это наша» [19]. Так что линия, направленная на определение сфер влияния, пусть и сопрягаемая с планами создания универсальной организации по поддержанию мира, проявилась уже тогда, когда обозначились два центра, формирующие эти сферы - в 1943 г.

В Ялтерском руководителем трех держав особенно рельефно продемонстрировали ощущение времени в том смысле, что исключительно точно определили сроки существования своего детища – новой системы международных отношений – 50 лет. Президент Рузвельт полагал: «...Нашей задачей является обеспечение мира по крайней мере на 50 лет», и стремился «построить новый мир, который не будет знать несправедливости и насилия». Сталин тоже говорил о пятидесятилетнем сроке мирного развития, но его ощущение времени было более острым. «...Пока все мы живы, бояться нечего, - сказал он партнерам-соперникам. - Мы не допустим опасных расхождений между нами. Мы не позволим, чтобы имела место новая агрессия против какой-либо

из наших стран. Но пройдет 10 лет или, может быть, меньше и мы исчезнем. Придет новое поколение, которое не прошло через все то, что мы пережили, которое на многие вопросы, вероятно, будет смотреть иначе, чем мы. Что будет тогда?» [20]. Они связывали это время, в сущности, со сроками жизни политического поколения. И опыт Ялтинской системы показывает, что время существования той или иной модели мирового порядка ограничено двумя поколениями государственных деятелей: пока живы творцы системы и их последователи она существует. С их уходом усиливается тенденция к пересмотру основ международной системы.

Что оставляет после себя Ялтинская или Ялтинско-Потсдамская система, в чем заключаются итоги дискуссий «великих старцев» в Ливадийском дворце, и что нового было внесено тогда в формирование послевоенной международной системы, и что должно учитывать сейчас при новой трансформации мирового порядка?

«Большая тройка» предложила миру проект глобального будущего: скорейшее завершение войны; учет интересов основных держав коалиции в виде формирования (или сохранения) сфер влияния за счет побежденных противников – Германии и Японии; прочный мир на два поколения; регулирование возникавших противоречий через международную организацию безопасности – Организацию Объединенных Наций. В целом этот проект удался.

Ялта стала успешным примером кооптирования великой державы – СССР, - уклад жизни которой был построен на непохожей системе ценностей и доказавшей свое право на пребывание в «привилегированном клубе» силой оружия и потрясающими военными успехами, в число грандов мировой политики, определявших систему международных отношений, в том числе и через Организацию Объединенных Наций, которая объединила, в первую очередь, державы-победительницы, стремившиеся наряду с решением проблем всеобщей безопасности к стабилизации устраивавшей их международной системы.

Ялтинские решения дали пример успешного сочетания особых прав великих держав и принципа демократического устройства мира, нашедшего свое выражение в структуре Организации Объединенных Наций с ее постоянными членами Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеей, в деятельности этой организации, обеспечивавшей, по крайней мере, механизм обсуждения возникавших проблем и привлечение к ним внимания широких кругов общественности разных стран. Пройденный с тех пор путь показывает, что проблема сочетания интересов «великих держав» и малых государств остается актуальной.

Справедливо отмечается и то, что «принцип суверенитета, который в предшествующие столетия определял отношения между весьма ограниченным числом европейских государств, распространился на весь мир, и основанная на нем система международных отношений стала универсальной. Принцип суверенного равенства государств был закреплен в Уставе Организации Объединенных Наций и стал основополагающим

елементом системи міжнародного права. Створення ООН ознаменувало перехід від старої системи, в якій обмеження суверенітету згадувалося практичною, основою на праві сильного, до нової, яка обмежила можливість використання сили проти суверенного державства.

Признання суверенітету колишніх європейських колоній значально розширило коло суверенних державств» [21].

1. Киссинджер Г. Дипломатія.- М., 1997.- С.369. 2. Голос України.- 1994, 18 янв. 3. Клепацький Л., Романов В. В Ялте три світових лідера говорили про недопустимість нового розколу в Європі//Міжнародна життя.- 1997.- № 4.- С.22. 4. Цит. по: Ехо планети.- 1997.- № 14.- С.3.5. Цит. по: Юрін А. Джордж Буш: «Я сидів поруч з другом»//Міжнародна життя.- 2005.- № 6.- С.20. 6. Цит. по: Кокеев М. Провінціалізм в політиці// Міжнародна життя.- 2006. - № 5. - С.68. 7. Радянський Союз на міжнародних конференціях періоду Великої Вітчизняної війни, 1941-1945 гг.: Збірник документів. В 6 т. / М-во іностр. дел СРСР. - М.: Політиздат, 1984. Т.4. Кримська конференція керівників трьох союзних держав – СРСР, США і Великої Британії (4-11 фебр. 1945 г.). - С.110. (далі - Кримська конференція) 8. Там же. 9. Радянський Союз на міжнародних конференціях періоду Великої Вітчизняної війни 1941-1945 гг.: Збірник документів. В 6 т. /М-во іностр. дел СРСР. - М.: Політиздат, 1984. 10. Т.2. Тегеранська конференція керівників трьох союзних держав – СРСР, США і Великої Британії (28 листопада – 1 дек. 1943 г.). – С.127-128. (далі - Тегеранська конференція) 11. Кримська конференція.- С.87. 12. Там же.- С.67. 13. Секретна переписка Рузвельта і Черчилля в період війни: Пер.с англ.- М.: ТЕРРА, 1995.- С.649. 14. Кримська конференція.- С.88. 15. Шлезингер-мл. А. Цикли американської історії: Пер. С англ.- М.: Видавнича група «Прогрес», «Прогрес-Академія», 1992.- С.251. 16. Киссинджер Г. Дипломатія.- М., 1997.- С.358. 17. Тегеранська конференція.- С.105. 18. Там же. 19. Там же.- С.130. 20. Чуев Ф, Сто сторін бесід з Молотовим: Из дневника Ф. Чуева. - М.: Терра, 1991. - С.23. 21. Кримська конференція.- С.87. 22. Кузнецова Е. Суверенітет. Незвідимий і невідимий? Суверенітет державства може бути обмежений, якщо воно ним зловживає//Міжнародна життя.- 2004.- № 7-8.- С.150.

О. Шевчук

СИСТЕМА БЕЗПЕКИ АЗІЙСЬКО-ТИХООКЕАНСЬКОГО РЕГІОНУ В УМОВАХ ПОСТЫПОЛЯРНІСТІ

В АТР суперечливо переплітаються інтереси і устремління самих різноманітних суб'єктів міжнародних відносин (окрім США, КНР і РФ, в "гру" все активніше вступають Японія, Республіка Корея, КНДР, Тайвань і т.д.). Пересікаються сфери діяльності регіональних альянсів – Азійсько-Тихоокеанського економічного співробітництва (АТЕС), Асоціації держав